

УДК 81'282.2, 81'42
DOI: 10.17223/19986645/65/4

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС» (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ)¹

Исследуется вербализация концепта «Лес» на материале русских говоров Среднего Приобья. Выявлено, что в диалектной речи отражаются преимущественно утилитарные ценности: лес – это место работы, источник природных ресурсов, материального благополучия. Описана историческая и региональная специфика концепта. Показаны трансформации представлений о лесе в диалектном дискурсе, обусловленные внеязыковыми факторами: экономическими, социальными, экологическими.

Ключевые слова: концепт, лес, природа, диалект, говоры Среднего Приобья.

Концепт «Лес» занимает важное место в культуре многих народов. Он анализировался на материале разных языков: английского [1–3], якутского [4, 5], удмуртского [6], рассматривалось его функционирование в разных типах дискурса в русском и немецком языках [7], в том числе в сопоставительном аспекте, на материале фольклора [8, 9]. Коллективом уральских лексикографов создан словарь нового типа «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)». В нем описано 200 концептов, в том числе представлен концепт «Лес», входящий в более общее концептуальное поле «Растительный мир». Авторами разработана оригинальная лексикографическая модель, позволяющая выявить своеобразие русской картины мира через вербализацию ментальных образований [10]. В рамках создания «Лексического атласа русских народных говоров» осуществлен первый тематический выпуск «Растительный мир», в котором картографированию подверглась лексика природы, бытующая на европейской территории России. Диалектные материалы наглядно продемонстрировали, что: а) в говорах членение окружающего мира происходит на других основаниях, чем в литературном языке; б) это членение является более дробным; в) в количественном отношении группа лексики природы значительно превосходит аналогичную группу в литературном языке [11].

Исследования сопоставительного характера показали, что средства вербализации концепта «Лес», их набор и соотношение зависят от принадлежности к определенной культуре и типу дискурса. Так, например, в текстах народных сказок немецкой лингвокультуры понятийный компо-

---

¹ Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.05.2019).

нент содержания преобладает над образным, а в русской – наоборот. В текстах немецких филологических словарей доля образного содержания выше, чем в текстах русских словарей, а доля оценочного содержания – ниже [7. С. 25].

Цель данной статьи – описание концепта «Лес», функционирующего в диалектном дискурсе, выявление констант и трансформаций народной культуры, отраженных в его внутренней структуре.

Материал исследования – диалектные тексты, записанные одним из авторов статьи – М.А. Толстовой в диалектологических экспедициях (с. Мельниково, с. Монастырское Шегарского района, д. Больше-Жирово Асиновского района Томской обл.) в 2016–2019 гг., а также тексты, извлеченные из Томского диалектного корпуса¹, включающего материалы экспедиций, проводимых сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских говоров Среднего Приобья. В исследуемом материале с помощью приема сплошной выборки были выявлены языковые единицы, репрезентирующие данный концепт, рассмотрены их функционирование и актуализация семантических признаков в анализируемых высказываниях. Выбор высказывания в качестве одной из единиц исследования обусловлен тем, что понятийный слой концепта, анализируемый в данной статье, подвергается языковой рефлексии, отражающей обыденное сознание носителей языка.

Исследование леса как природной системы становится актуальным в последние десятилетия в разных науках. Развитие технологий, цивилизационные, экономические, социальные факторы оказывают значительное влияние на отношения человека и природы. Эти изменения особо остро ощущаются в сельской местности, где природные ресурсы всегда были и продолжают оставаться основным источником жизнедеятельности.

Настоящая работа является частью проекта по изучению концептов природного мира Сибири на материале ее русских говоров. Актуальность предпринятого описания обусловлена его включенностью в комплексное, междисциплинарное исследование Сибири как территории, уникальной в географическом, этническом, антропологическом, языковом отношении. Необходимость обращения к данной проблематике определяется тем, что растительный мир достаточно подробно описан на материале диалектов европейской части России, в то время как русские говоры Сибири в этом аспекте изучены весьма незначительно. Вовлеченность в сферу анализа говоров сибирской территории даст возможность более полно представить языковое своеобразие природного мира России, определяемого региональной спецификой.

В качестве основного метода исследования использован метод когнитивно-дискурсивного анализа, в рамках которого выявляются структура

---

¹ Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 15.04.2020). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

концептов и содержание их понятийной, аксиологической, образной составляющих, а также определение специфики их функционирования в диалектной культуре. Как показал предварительный анализ материала, изучаемый концепт характеризуется в диалекте широкой разработанностью всех названных слоев. Обширность материала не позволяет рассмотреть структуру концепта полностью в пределах одной статьи, поэтому мы остановимся в большей мере на его понятийной части, включающей варианты обозначения концепта, признаковую структуру, дефиниции, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [12. С. 107]. Анализу подвергаются высказывания носителей языка, в которых отражено восприятие леса на уровне обыденного сознания. При описании концепта учитывались факторы локальности, региональности, темпоральности, определяющие своеобразие сибирской лингвокультуры [13].

К настоящему моменту на материале среднеобских говоров описаны концепты «Жизнь» и «Смерть» [14], «Душа» [15] «Воля» [16], «Чистота» [17], «Ссылка» [18], «Сибирь» [19], «Богатство» [20, 21], «Работа» [22], «Культура» [23], «Хлеб» [24], «Жизнь» [25] и др. Исследователи отмечают особенности функционирования общенациональных концептов в диалекте, обусловленные спецификой крестьянского бытия, региональными, климатическими, историческими и социальными факторами, выявляют трансформации, произошедшие под влиянием экстралингвистических факторов. Так, например, механизация труда, улучшение социальных условий жизни на селе (появление детских садов, обязательного среднего образования, изменение норм оплаты труда) существенным образом повлияли на представления диалектоносителей о трудовой деятельности [22].

Выскажем предположение, что номинативная плотность концепта «Лес» в среднеобских говорах должна быть достаточно высокой, что обусловлено региональной спецификой их бытования. Так, известный биолог Б.Г. Иоганзен писал в 1959 г., что «по запасам лесов область превосходит Францию, Федеративную Республику Германии, Италию, Норвегию, Швейцарию, Англию, Бельгию и Данию, вместе взятые. Под лесами занято почти 60 процентов территории области, и по этому показателю Томская область принадлежит к наиболее залесенным районам страны» [26. С. 72]. Второе предположение касается степени сохранности собственно диалектной лексики, репрезентирующей природный мир. Эта гипотеза была высказана ранее при анализе концепта «Болото»; она не нашла подтверждения в диалектном материале, но позволила выявить тенденцию перехода диалектной лексики в научную сферу русского литературного языка [27].

Признаки концепта в диалектном дискурсе репрезентируются средствами лексической системы, актуализованными в высказывании, поэтому при анализе в первую очередь нами были выявлены репрезентанты лексического уровня, отражающие ядерные и периферийные зоны концепта. Полевое устройство ментального образования обусловило включение в его структуру не только признаков, воплощающих основные свойства леса, но и признаки связанных с ним других реалий (грибов, ягод, трав).

Отправной точкой нашего анализа является обращение к энциклопедическому толкованию понятия «лес» с целью вычленения его ментальных составляющих. Лес толкуется в энциклопедическом словаре как «один из осн. типов растительности, господствующий ярус которого образован деревьями одного или нескольких видов, с сомкнутыми кронами; для Л. характерны также кустарники, травы, мхи и др. Л. – жизненная среда для многих птиц и зверей, источник древесины, ягод, грибов и технического сырья; имеет важное климаторегулирующее, почво- и водозащитное значение, один из факторов устойчивости биосферы» [28. С. 399].

Данные статьи позволяют вычленить ментальные составляющие концепта лес: лес – это: а) тип растительности; б) источник древесины, ягод, грибов, технического сырья; в) среда обитания животных; г) фактор устойчивости биосферы.

В обыденной коммуникации актуализируются все выделенные признаки через общие и частные наименования леса, имеющие разную системную принадлежность (общерусские, собственно диалектные лексемы, а также диалектные варианты общерусских слов). Ключевым репрезентантом концепта является лексема *лес*.

Как и в литературном языке, в говорах она является многозначной, о чем свидетельствуют данные «Вершининского словаря», в котором зафиксированы те же значения слова, что и в литературном языке: «1. Деревья, во множестве стоящие на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями. // Перен. Большое количество, множество (комнатных растений). 2. Собр. Срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал» [29. Т. 3. С. 221].

Многозначность данной лексемы подтверждают контексты: *Раньше ходила и в лес по яуду, по грибы; У меня целый лес был фикусов, как лес все стояли; Начинается скатка леса, лес штабеляют, весной скатывают и плавим до оконечной точки, где кончатся таежная речка. Лес течет по течению, мы ходим по берегам, а кода' лес затерло, заломило – корма упала, леси'на – тогда' на бревно встаешь, переезжаешь туда, залом рубишь; Анбарушки из лесу строили.*

Лексема *лес* функционирует не только в основной форме, но и в формах субъективной оценки: уменьшительной (*лесок*) и уменьшительно-ласкательной (*лесочек*). Достаточно частотной является форма множественного числа, передающая семантику большого пространства, занятого лесом: *Лес большой был, здесь болото было, леса большие были; А тут недалеко лесок, выгрузились, смотрим – девять штук самолетов появилось; Это шишки прошлый год каравулили, згораживали дорогу, проверяли, а туда мелко маленький лесочек, это туда вода заходила все; А он [медведь] где-то отчу'хает если, он перетаска'т и заде'лат тоже. Мошко'м нагребет и лесочек накладет. Но он зиму ложится в берлогу, он ниче не ес[т].*

Лексемой *лес* мотивируется прилагательное *лесной* «относящийся к лесу»: *Лося большинство называют сохатый, а ведь он лесной зверь, в лесу*

бродит, вот его так и называют, у него же ноги длинные, он везде пройдет; Голубицу брали. Вот нальешь, переберешь ее от листов от всех этих вот, веток, букашек, клопов, таких лесного от всего этого мусора отберешь.

Видовое разнообразие леса как типа растительности отражено в высказываниях очень широко и осуществляется на основании разных признаков. Наиболее часто леса дифференцируются по признаку породы деревьев, их составляющих. Для Томской области это лиственные леса, которые занимают около половины площади, покрытой лесом [30. С. 157], и для которых существуют специальные наименования: **белый лес, бельник, беляк**. К лиственным породам относятся **березняк, березник** (березовый лес), **осинник, осинничиха** (осиновый лес): *Лес у нас большой. Разный лес: осинник у нас, березник, кедрач, пихтач, тальники; Белый лес – это береза, тополь, осина; Где осинник, березник – это зовется бельник.*

Представлены в диалекте разновидности хвойных лесов: **сосняк** (сосновый лес), **кедрач** (кедровый лес), **пихтач** (пихтовый лес), **ельник** (еловый лес): *Лес, лес был. Ну, что вы, здесь был... У нас даже вот где щас эти домики-то беленьки настроены, здесь был кедрач когда-то. Я чуть помню, здесь были шишки, так прямо кучами насыпались... В Яру' – там же кедрач; Белый гриб чаще всего в пихтаче – мне дак сколько раз так попадалось; Всякий лес у нас был, ели однако было мало, «ельник» называем лес еловый.*

На уровне лексической системы находит отражение характеристика смешанного леса: **чернолесье, чернь, черня, черный лес** (смешанный лес): *Там сильная тайга, там чернолесье – это ель, пихта', кедр', лиственница.*

В обыденной классификации разновидностей леса отражаются возраст деревьев: **молодняк**: *Молодой лес – «молодняк» называется;* размер: **крычинчик** (мелкий лес, кустарник): *Крычинчик – лес, осинник, а в ем вода кругом.*

В зависимости от того, на каком расстоянии деревья растут друг от друга, лес может быть редким (**редколесье**) и густым, непроходимым. Сибирские леса в большей мере характеризуются как густые, труднопроходимые. Для обозначения этой разновидности лесов существует обширный пласт лексики (**бор, тайга, согра, чаща, чащина, чигын, чира**). Среди наименований леса по этим признакам большое место занимает собственно диалектная лексика, заимствованная из финно-угорских языков (**согра**), селькупского языка (**чира**), из диалектов западно-сибирских татар (**чигын**) [31]: *Там бор непроходимый был; Со'гра – густой лес. «В со'гре, в глуше' ягода»; Чира – густой лес. В чире растет шишиник, боярышник. «Ну, – говорит, – паря залез в чиру'»; Чигын – лес называется густой.*

В лексической системе говоров репрезентируются такие когнитивные признаки, как место произрастания леса: **болотняк** (лес на болоте), **гарь** (лес, выросший на выгоревшем месте): *Гарь – это смесь: березник, осинник, кедрка попадет; Лес болотняк был, блудили в нем; отсутствие / наличие ветвей, листьев на дереве: **голенастый лес, голенач***

(гладкоствольный лес): Голенастый лес – голый, так называют, когда листва спала и голый лес стоит, а то еще у сосны внизу-то голо, а сверху ветки. Голенастый лес, голендач.

Представлена характеристика деревьев, заполняющих пространство и создающих препятствия при передвижении по лесу: **валеж, валежник (валежник), завальник, бурелом, буреломник, колодник** (поваленный лес), Валежник, буреломник. Ураганы проходят, валежнику навалит, деревьям всяких; Колодник – старый валежник гниет.

Актуализируется в речи диалектоносителей признак концепта «лес – источник древесины, сырья», представленный наименованиями леса как строительного материала: **кедрач, пихтач, ельник, березняк, березник, осинник, сосняк**: Дома' строили из хорошего леса: пихтач, ельник, кедрач, сосняк; А вот е'жли избу построить, осинник надо; Красный лес – это сосняк. Его все больше на строительство употребля'т; Дома из сосняка строили. Какие есь лесины, расколют, накладывают.

Значимость леса для жителей Сибири проявляется не только на уровне лексической системы, но и на уровне высказываний, в которых осмысляются место и роль леса в обыденной практике. В пропозициональной части высказываний находят отражение ситуации, связанные с заготовкой дров, веников, изготовленных из определенных пород деревьев: Вениками паримся, березовыми, конечно, идем в лес, наломаем прутьики, связ'зьшь веник.

О.В. Бутерина, анализируя фреймовую структуру концепта «Лес» в специальных научных текстах и текстах энциклопедических словарей, отмечает, что самым распространенным является фрейм «Лес – объект ведения лесного хозяйства» [7. С. 15]. Эти данные нашли подтверждение в исследуемом материале и составили ближнюю периферию концепта. В число репрезентантов концепта входят названия видов деятельности, включающие общие наименования (**лесозаготовка**), а также отражающие различные этапы и место заготовки древесины (валка, транспортировка): **лесовать, тралевать, лесосплав, лесоповал, лесоперевалка**: Вот така' работа. С лесозаготовок приедешь, опять отправят тебя в лес, пока этой нету, посевной, не нацала'ся, и вот, в этой, в лесу валишь, дрова пилишь, на это, на контору там, на все; А в войну вон как люди работали тяжело. И на лесосплав ездили, и на лесозаготовку ездили. Лесова'ть, тралевать – таскать лес из тайги; Жили у роди'телев, лесовали – работа така': лес у нас валили. Налесовали да и все.

Более частным признаком является обозначение леса как места (участка) ведения хозяйственной деятельности: **лесосека, деляна, выдел**: Деляна – лесосека, чтобы заготавливать лес, отводится участок, обмеряемый визириями. И тогда под лесосеку отводится пробная площадь. Ква'ртал разбивается на выдела.

Этот же признак представлен наименованиями предприятий и хозяйств, осуществляющих операции с лесом (вырубку, заготовку, разведение и т.д.): **лесхоз, леспромхоз, лесничество**: В леспромхозе было лошадей запряж'нь'х до ста. Все же на лошадях делались, все абсолютно, техники не было

никакой; Во время войны мы жили в леспромхозе. Перед войной... Как началась война, мы переехали в деревню; Знаешь, где лесхоз, там они живут; Лесничий перед лесхозом отшвы'тывается; Вот сейчас, когда' здесь лесничество стало, вымахали все, притоптали. Особая роль отводится профессии лесника, который оберегает лес от пожаров, незаконной вырубки и браконьерства: Муж охотник был тоже, лесником и охотником. Лес охранял от людей, чтобы люди не похищали лес, чтобы пожаров не было; Работаю лесником. Лесник охраняет лес от пожаров и нарушений. Он должен знать свой обход, как пять пальцев; Вот в войну мы ходили, в субботу вечером уходим, в лес, взрослые бьют, мы собираем, в это самое... [А чем били?] А лазили... вот сейчас колотят деревья, а тогда не разрешали, лес, лесники следили строго за этим.

Одним из дифференциальных признаков является признак «среда обитания животных», представляющий собой периферию в структуре концепта и актуализирующийся в утилитарном аспекте. В зону обыденной коммуникации попадают наименования и характеристики тех животных, птиц, которые обитают в данной местности и мясо которых употребляется в пищу. Ценность также представляют мех и шкуры диких животных: Поди' бил я тоже дичь; Мы раз пошли с Иваном охотиться, пошли с ем, он лесником был, собак с ем взяли, пошли на сохатого. Шли, или мы с ем, а там уже убитый лежит сохатый, шкуры да маленько мяса; Около села лес повсюду. Богатый лес. Кто хочет на охоту ходит, медведя бьет. Там все че хошь растет на свете. И грибы всякие, и ягоды; На охоту езжу, я охотник и рыбак. Вот, я езжу на охоту. Ну че, сказать, каких я зверей стреляю? ... Ну стреляю вот, напиши там вот, мелочь такую вот – утки, чайку, рябчик там. На охоте, значит, всяких это тоже мелочевку. Ну бывает и соболей, и барсуков; Зверей били, лосей били, то он тебя найдет, то ты, тут раньше зверей было сколь хочешь. Белка – зверек – маленький. Какие бы ни были – все звери. Соболей в то время не было – они привезенные. Медвежьи шкуры делали – можно доху сшить – будешь как медведь ходить; На охоте сколько я. Ой, всю жизнь и охотился и рыбачил!

Традиционными для Сибири являются некоторые виды промысловой деятельности: зверовать, охотиться, соболевать, белковать и др.: Зверовать – зверя' бить. Зверя – медведя', лося'. Это самые опасные; В тайге раньше охотились белок, щас никого не осталось: ни белок, ни соболей. На лисиц капканом охотились. Лоси здесь есть, звери – медведи. Собаками загоняют зверя на дерево, а лося так собака держит, а хозяин подбега'т и пулей их стреля'т; На соболя охотиться – то говорят соболевать; Я сам даже вот в е'тим месте охотился. Белковали, белок ловили

Роль леса как источника жизнедеятельности и пространства, обеспечивающего удовлетворение потребностей человека в пище, в быту, широко отражена во фрагментах диалектных текстов – рассказов о грибах, ягодах, лечебных растениях, заготовке ореха. В этих высказываниях лес предстает как источник жизненно необходимых ресурсов. Природное своеобразие региона проявляется в видовом разнообразии той или иной растительности

и в способах ее использования. Наиболее частотны лексемы, обозначающие ягоды, растущие преимущественно на болоте или в таежной местности. Это *брусника, черника, голубика, клюква, смородина, черемуха* и др.: *По сих время в лес ходют, грибы хоро'ши, ягодов много: голубника, земляница. Голубника, та покрупне', да послаще, а земляница – мельче, да духом берет. Ее можно сушить, лу'чче, да с сахаром разварить. Хоро'ша ягода. Черемушка, то'жа растет, малина, соморо'да крупна, мелка – вся'ка – какой кустик угодит; [В лес Вы ходили?] Ходили. За ягодами, за орешками ездили, шишки набивали. Раньше с сестрой ходили, куля два набьем шишек, надо было жить. Ягода здесь вся'ка родится, черемуха, рябина. Пирожки стряпали, раньше сушили, мололи. Калину с сахаром делали, в печке парили.* Семантическое поле «ягоды» представлено большим количеством лексем и их вариантов. Оно может быть рассмотрено как самостоятельная единица с разными уровнями членения внутри поля и как часть комплексного ментального образования «Лес». Та же тенденция действует в сфере названий грибов, анализ которой требует отдельного рассмотрения: *Грибы заготовливали: белянки, там разные, синявки, разные были грибы. Муж в деревне работал. Я ходила с крестьянками в лес за грибами. Там много грибов было; Грибы тоже брали: грузди, белые и опенки. Груздь бороовой в бору растет и груздь ела'нный – в березовом лесу.*

К названным семантическим полям примыкают наименования съедобных растений и лечебных трав: [А чем сейчас занимаетесь?] *В лес бегаю, траву сушу. <...> Лет десять собираю травы эти; Ну, че, ели вот все та'мо-ка, ходили в лес, вот вся... всякие травы собирали ели, но никогда не отравились; Маленькая я была – я ела одну траву. Ходили в лес, рвали... Как она щас... Мы называли «колба'»), ее называют еще «черемша'»). И ее... ту'чки, боршиз'вник, полевой горох, вот это мы ели. Не было ничего. <...> лес, это, траву рвали, всю избу' травой засыпешь. Вот траву собирали, или отапивать, и ноги парить. Считается как она лекарственна.*

Специальное обозначение в среднеобских говорах получает процесс заготовки кедрового ореха: *Ходили в лес, шишкова'ли, у нас тайга там рядом; Били шишку. Вот в войну мы ходили, в субботу вечером уходим, в лес, взрослые бьют, мы собираем, в это самое...*

Таким образом, в лексической системе среднеобских говоров вербализуются основные, сущностные признаки концепта, представленные в том числе в энциклопедическом словаре. Эти признаки структурированы по принципу ядра и периферии.

Наряду с лексической репрезентацией восприятие леса жителем сибирского села зафиксировано в диалектных текстах различной жанровой принадлежности, содержащих размышления о лесе как части окружающего мира, среды обитания. Большая часть этих текстов – рассказы о жизни, воспоминания с актуализацией оппозиций «прежде и теперь», «свое – чужое», «город – деревня». Так, например, в диалектной речи актуализируются представления о лесе как пространстве, которое, с одной стороны, противопоставляется городу, выступает местом отдыха; чистый лесной

воздух оказывает положительное влияние на здоровье человека: *От в лесу красиво, ниче не скажешь: и воздух такой прямо чистый да свежий, самый раз для здоровья детям. Вот мы и зовем ка'жно лето к нам в гости всех внучат, чтоб отдохнули они от городу-то, от пыли городской; Всем в городе как-никак красиво; и пыли такой нету, а тут че: пыли хоть отбавляй, да и красоты тоже нету.* Подобные представления о лесе проявляются не только в диалекте, но и в других типах дискурса. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря», лексическая единица «лес» выступает в качестве одной из реакций к слову-стимулу «деревня» [32].

С другой стороны, пространство леса противопоставляется пространству деревни как место опасное, неизвестное, вызывающее чувство страха, связанное с возможностью пострадать от хищных животных или заблудиться: *Я сама в лес боюсь ходить. Та нет говорю: «я боязли'ва». Боюсь, зверя' боюсь. Зверем звали медведя'; [А варенье из чего? То, что на огороде?] В лес. Черника, земляника. А земляника тоже, так пойдешь, ребяташкам нарвешь там баночку, пол. А тепер уж два года не была в лесу: боюсь заблудиться, стала блудить. Боюсь.*

Особое положение в представлении о лесе занимает тайга как место с суровыми условиями, она представляется сложной системой, в которой без специальной подготовки невозможно выжить: *Председатель тогда и говорит: «Пожа'лста на охоту». А не охотник, тебя и заморозит в тайге. Пауты, комар, мошка – страшно, клещ быва'т – он с лесины впива'тся в тело; Меня везде – и на лесозаготовки, нас таких вот пошлют... Зима есть зима, а тайга, это не просто лес, вот. Там тайга сплошь эти, леса. А к лесине подойти невозможно, так, чуть не ползком. Снег чуть не в рост; В тайге лес глухой. И ходим ко'нпасу.*

Лес ассоциируется с Сибирью как местом насильственного переселения. С.В. Волошина, выделяя единицы, вербализующие концепт Сибирь, приводит в их числе слова «лес» и «тайга» [19]. Исследуя концепт «Ссылка», Т.А. Демешкина отмечает, что тексты, в которых функционирует этот концепт, сопровождаются рассказами о борьбе за выживание в лесу, тайге как непригодном для проживания месте [18]: *Да. Раньше же в Сибирь на каторгу ссылали, раньше же здесь была непроходимая троцо'ба, лес. Это щас у нас так стало. В край болота раньше было. Это все жижа, жижа и жижа. Лес жо кругом, болота', а вот тепе'ря расстроились, где че строит и вода заливает, потомушто здесь были болота', вот; Они рассказывали... привезли нас на барже', высадили в лесу. Вот светлое только между деревьями, это самое, и начали жить, рыли землянки, это вообще был. Вот диву даешься, как люди могут приспособливаться к новым условиям; Сослали нас в темную тайгу, где не было ни хлеба, ни соли, не было где жить. Стали делать раскорчевку, вручную рубили лес, долго ставили колхозы; В тайгу, когда переселенцев возили, то мы с женкой и заводили их, и в тайге они и жили; А каторжных сослали в тридцатых годах, их под Новосе'льцево там за нас, они там раскорчевали лес, землянки сдела-*

ли, ну, жить-то негде было. А низменны'е землянки сделали, жили. А потом все дальше большие, раскорчевали.

В речи диалектоносителей содержится информация о лесе как о месте, в котором можно было скрыться во время революции, войны, спрятать материальные ценности: *Така' революция. Нас в лес увозили. Снимайте с себя все черно, красно. Одевайте все зелено, чтобы к траве проходи'ло; Вот бабка офицеру курицу варит, ну, а лошадей они спрятали, в лес увели, чтоб белые не забрали;* [А вот вы говорили, с войны убежали. Были здесь беглые?] *Были. Много. Их ловили. Отправляли. Куда это я не знаю, по тюрьмам или куда. Оне', наверно, нас боялись. В лесу увидишь: «Ой, бабы наверно беженцы»; Ну и сломали замок и взяли, кто сколь мог. Хозяин вызвал Колчака, тот приехал. Кото'ры успели в лес убежать, те убежали, а кто не успел, тех стегали шомполами, не розгами, а шомполами.*

Различные факторы привели к трансформации представлений о лесе и изменениям во внутренней структуре концепта. Они репрезентируются конструкциями «раньше, тогда / теперь, сейчас». Так, информанты, сравнивая прошлое время с настоящим, отмечают, что изменилось восприятие леса как источника ресурсов. В большинстве сел исчезла необходимость самому заготавливать дрова в лесу, а многие культуры люди стали выращивать в огороде: *Раньше на лошадях да в лес. А чечас тут готовят дрова;* [В лес ходили раньше?] *В лес ходили, мы и дрова в лесу резали, и... и все. А щас никуда. Щас вот гото'вы привезут мне. Восемь ты'сяць отдала за две машины; Всегда либо на покосе, либо на огороде. Или где-то в лес... Ягodu эту надо набрать. А теперь у нас дома ягоды полно и мы не хотим брать.*

Сравнивая площадь лесных массивов, диалектоносители отмечают их сокращение: [А лес сильно убывает?] *Ну как, не убывает?.. Убывает, убывает. Столько ведь это, че... Он же растет медленно, медленно.* [Раньше кругом лес был?] *Лес, лес был. Ну, что вы, здесь был... У нас даже вот где щас эти домики-то бе'леньки настроены, здесь был кедрач когда-то. Я чуть помню, здесь были шишки, так прямо кучами насыпа'лись. Ну а теперь уж от так мы-то стали побольше, так его весь и вырубил тут.* Такое положение дел обусловлено тем, что люди уничтожают лес: вырубают, сжигают: *Лес большой был, здесь болото было, леса большие были. Корчевали его, жгли его. Раньше боялись до межовки доти [дойти], лес такой. Теперь ни холеры ничего, березы, сосняк был хороший; Раньше лес. Выди на зады', дак как тайга. Болоты'. Давно сгорела, тае я не помню. Головешки а'жно несло; Во время войны кедрач уничтожили; Нет, сейчас не рубят. Лес весь сейчас повырубили.*

Результатом этого процесса становится истощение ресурсов леса, сокращение популяции диких животных: *Везде охотился, где белка бывает. А эти года мало белки. Лес вырабают. Чечас всю дорогу чишиут, шумят трактора, бульдозеры. Весь лес возют; Лес сейчас страшно глядеть. Раньше так бывало и смородина, и черемуха, а сейчас вот как заехали, все подчистили лес. Как-то я собиралась туда, но ведь даже ничего ведь нету*

там. Весь лес свалили, ни ягодки не найти там, ни грибов нету. Степь стала, только вот и все; Шшас охотиться не хожу. Весь лес-то перепортили. Негде шшас охотиться. .... А сколько лесу-то сгорело. По берегу горел; Ну, белых мало стало, лес все вырезанный, а раньше много было здесь грибо'в; В тайге раньше охотились белок, щас никого не осталось: ни белок, ни соболей; Щас пишут ученые, что экспедиции приходят, зверь уходит, а куда уходит – везде народ стал, везде машины стали. Куда ему, бедному, податься?

Причиной такого положения дел, по мнению диалектоносителей, является отсутствие контроля со стороны властей; недостаточное внимание к лесу лесников, местных жителей: *В Новосибирске сосняк, кедрач-то там не растет. Пожалуй, кругом Томска кедрач есть. В Томске запретна зона, там не ва'лют. А двадцать-тридцать кило'метров от села, так ва'лют, а его потомкам оставить надо. Лесные жители, вот скажем, к которым ближе кедрач, следили за ним большие, чем лесники. Раньше за жителем закрепляли участок, он его берег, не трогал. Счас совсем не так относятся. Срубают ни за че деревья. Лишь бы загубить. Нет бережного, любовного отношения к природе. Бережливость счас почему-то не воспитана в человеке. Неблагодарно к кедрачу относятся, браконьерство: Лисы есть, соболь, норка, а ондатра вот перевелся, ой, было ондатры. Охотники, так браконьерство вот такого маленького бьют; Тут зверя ско'ко было, а вот щас уже выколотили эти годы, вот щас бракоделов море. Тогда' браконьеров было очень мало и строго наказывали, а щас все. [Никто не следит?] А щас самые браконьеры – это вот эти, большие шишки, так что себе пометьте.*

Диалектоносители отмечают, что лес меняется под воздействием экологических факторов, в частности уничтожается насекомыми-вредителями: *Ну, есть кедрач, туда дальше. Щас, ну родится шишка, ну всякий шелкопряд родится. Раньше на кедрь лазила. Теперь уж нет. Эти уж года не лазим. А то'ка собирали. Он сам дерево объест кору, дерево. Даже берешь руками, противно даже, жметяся он. Раньше не понимали, не знали, что за черв, что за чертовщина. ...За рекой весь лес изменился. Раньше едешь – радуешься. А щас покручено червями-то. Раньше маленькими были, не понимали. Даже лук на огороде черв съедат. Скажешь раньше про червей – не верим, «щас по морде набью». Все приходится прибегать, все хлоровостом обрызгивали, и все не помогает; Вот как было в лесу – это не вылез бы! А щас нет, щас бурьян какой-нибудь растет. Тогда' грибов хоть сколько бери, и они всякие разные были грибы; Здесь совхоз был. Все лес. Я приехала сюда. Все зарос. Все берега посмывали. Много яру смыло. Все валится, валится. Наша баня так кромочкой и висела всю зиму.*

В связи с появлением техники меняются способы обработки леса: *Лес пилой пилили. Пилы были ручные. Напилишь, а потом домой на коротки чурки. Это лес в кучи складывают, штабелевки получаютя, как мосты такие; Раньше волокуша была, чтоб лес возить. Вырубали пихту' с корнем. Корни связывали и были такие волокуши. Они очень легкие и удобные.*

Волокуши, которые сейчас есть – для уборки сена. ... Раньше еще валили лес ручной пилой. У нее по концам две ручки есть, ручки эти деревянные. Потом появилась «Дружба», с моторчиком. Сейчас трактор срезает дерево с одного маху.

Как показал анализ материала, ценность леса для жителей Сибири заключается в возможности его использования в практической деятельности. Вместе с тем единичные контексты свидетельствуют о том, что помимо этого лес включается в эмоциональную сферу человека, он является источником позитивных эмоций (радости), эстетических переживаний: *А лес был, знаете, какой, не как сейчас. Такая зелень зайдешь в лес, такая радость, такой воздух! Там травка вот такая, зеленая! Огоньки! Эти кукушкины слезки да всякие. Ну, сияет все.*

В рассказах о лесе находят отражение мифологические представления и суеверия, связанные с осмыслением человеком окружающего мира и своего места в этом мире. В высказываниях диалектоносителей упоминается леший, который может погубить, увести в чащу леса, «водит кругами»: *Пошел на охоту, он его и сцапал. Ружье изломал. Видно, хитрый тоже зверь [о медведе]. Он шел лесом, а зверь выскочил из куста и поймал. На другой день пошли искать, а зверь на нем сидит. Тоды' его стали стрелять и убили. Река стала, а его, видимо, леший водил.*

Мифологичность сознания диалектоносителей по отношению к лесу проявляется в системе примет, которые надо непременно соблюдать, если хочешь получить результат своей деятельности: *Деревянный дом! Стоит двухэтажный. Поэтому люди знали, когда готовить в какое время лес, а не когда вздумается, а сейчас же ведь че. Когда его надо начинать рубить и строить, и когда складывать его надо. Поэтому вот столько и стоят, почему он не гниет? Тот же самый лес, из того же самого леса сделаны... Ну вот. Вот, потому что знали, потому и... [А как вот они это все передавали, откуда они узнавали?] Ну откуда, они идут испокон веков, оно идет и как, вот эти всякие приметы. А сейчас вот это вот все перемешалось, и эти приметы вот, они, просто все люди, они знали. Так, седня птичка вот тут сидит, на сухой ветке, значит седня будет дождь.*

В данных текстах лес осмысливается как часть глобального природного мира и космоса, где все взаимосвязано. Утрата знаний о влиянии природы на существование человека имеет, по мнению диалектоносителей, негативные последствия для его жизни и деятельности.

Таким образом, проведенный анализ показал, что концепт «Лес» занимает значительное место в речи старожилов Сибири. Он вербализуется большим количеством лексических единиц, входящих в лексико-семантические группы «Растения», «Ягоды», «Грибы», «Животные», а также тесно связан с концептами «Еда», «Работа», «Жизнь», «Сибирь», «Ссылка».

В высказываниях диалектоносителей актуализируются представления о лесе, в первую очередь имеющем для человека утилитарную ценность: лес – это место работы, источник природных ресурсов, материального благополучия. В единичных случаях отражена эстетическая значимость леса.

Набор когнитивных признаков расширяется за счет включения в структуру концепта представлений о роли леса в разные периоды истории (место убежища), осмысления леса как неосвоенного пространства, непригодного для жизни (место поселения для ссыльных), а также пространства, населенного мифологическими существами.

«Лес» в диалектной речи предстает как динамичный концепт, содержание которого претерпело трансформации, обусловленные экономическими, социальными, экологическими факторами.

Литература

1. *Гавриленко О.В.* Концепт лес в англоязычных культурах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 2. С. 135–137.
2. *Моисеева С.А.* Концепт ЛЕС как основной репрезентант понятийной сферы РАСТИТЕЛЬНЫЙ МАССИВ // Когнитивные исследования языка. Москва ; Тамбов, 2013. Вып. 14. С. 576–581.
3. *Быканова В.И.* Англосаксонский концепт «Лес» как элемент национального менталитета // Гуманитарный вестник. 2015. № 10 (36). С. 1–8.
4. *Романова Е.Н., Данилова Н.К.* Концепт леса у периферийных групп северных тюрков // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-lesa-u-periferiynyh-grupp-severnyh-tyurkov> (дата обращения: 04.11.2019).
5. *Артамонова Н.П., Павлова И.П.* Анализ лексико-семантической группы «Лес» как фрагмент картины мира народа саха // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2018. № 1 (63). С. 83–91.
6. *Максимов С.А.* «Лес» в удмуртских говорах: диалектологическая карта и комментарий // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2 (2). С. 56–68.
7. *Бутерина О.В.* Представление концепта «лес» в русских и немецких лингвокультурных источниках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 25 с.
8. *Шаколо А.В.* «Лес» и «дом» как ключевые концепты главной оппозиции сказочного дискурса (в рамках общей дискурсивной теории) // Ученые записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. 2016. Т. 21. С. 144–147.
9. *Шаколо А.В.* Важнейшие концепты сказочного дискурса (на материале концепта «Лес») // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XIX Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2 т. Витебск, 2014. Т. 1. С. 216–217.
10. *Концептосфера* русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремииологии) : словарь / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : Азбуковник, 2017. 1020 с.
11. *Лексический атлас* русских народных говоров (ЛЯРНГ). Т. 1: Растительный мир. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 736 с.
12. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
13. *Демешкина Т.А., Тубалова И.В.* Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
14. *Гынзазова Л.Г.* Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики : материалы междунар. науч. конф., Томск, 21–23 октября 2003 г. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.
15. *Гынзазова Л.Г.* Концепт «Душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры русского

языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета. Томск, 2004. С. 151–155.

16. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею академика МАН ВШ доктора филологических наук, профессора О.И. Блиновой. Томск, 2006. С. 220–229.

17. Демешкина Т.А. Концепт чистоты по данным среднеобских словарей // Наука и образование. Ч. 2 : материалы Всерос. науч. конф., 12–13 апреля 2002 г. Белово, 2002. Ч. 2. С. 49–55.

18. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.

19. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.

20. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28.

21. Волошина С.В., Толстова М.А. Образный, аксиологический и символический слои концепта «Богатство» в диалектном дискурсе // Русский язык: история, диалекты, современность : сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ. конф. / отв. ред. Л.Ф. Копосов. М., 2018. Вып. 17. С. 75–82.

22. Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 12–18.

23. Иванцова Е.В. Концепт «Культура» в словарях русских народных говоров // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 5–21.

24. Иванцова Е.В. Концепт «Хлеб» в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 47–64.

25. Волошина С.В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи) // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 42–48.

26. Иоганзен Б.Г. Природа Томской области. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 175 с.

27. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «Болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.

28. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. 912 с.

29. Вершининский словарь. Т. 3 / авт. -сост. В.Г. Арьянова и др. ; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 346 с.

30. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.

31. Евсеева Н.С. География Томской области: (Природные условия и ресурсы). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 223 с.

32. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.] ; Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М. : [ИРЯ РАН], 1996. 211 с.

Representation of the Concept “Forest” (On the Material of Dialect Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 60–76. DOI: 10.17223/19986645/65/4

Tatiana A. Demeshkina, Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru / tolstova_11@mail.ru

Keywords: concept, forest, nature, dialect, dialects of Middle Ob region.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program, Project No. 8.1.05.2019.

The aim of this article is to describe the concept “forest” that functions in dialect discourse, to identify the constants and transformations of folk culture that are reflected in its internal structure. The material is dialect texts recorded in the Middle Ob region from 1946 to the present day. The main research method is cognitive-discursive analysis, which allows detecting the structure of concepts and the content of their conceptual, axiological, figurative components, as well as determining the specifics of their functioning in the dialect culture. Due to the sufficient development of all layers of the concept in the material, only the conceptual layer is described in this article. The units involved in the representation of the concept “forest” in the dialects of the Middle Ob region are nouns *les* [forest, wood], *lesok* [small wood], *lesochek* [small wood], an adjective *lesnoy* [forestial], as well as names of forest species depending on its composition, quality, age, place of growing, use (for example, *belyy les* [white forest], *bor* [coniferous forest], *tayga* [taiga], *yar* [ravine], etc.), names of forest (wood) as construction material (timber); names of activities related to work in the forest and state enterprises and farms engaged in logging, cutting and removal of wood: *lesozagotovka* [timber cutting], *lesosplav* [wood floating], *lesoperevalka* [transshipment of timber], *shishkobooy* [place where pine cones are picked], *okhota* [hunting], *leskhoz* [forestry farm], *lespromkhoz* [logging company], *lesnichestvo* [forest district]. In dialect speakers’ minds, the forest is primarily associated with utilitarian values. It is a place of work, a source of life, a space that provides for the satisfaction of people’s food needs, a source of building material, leather and fur; it also provides resources for treatment. Dialect texts contain reflections on the forest as part of the environment. For example, they actualize ideas of the forest as a space opposing the city as a place of rest, on the one hand, and opposing the village as a dangerous unknown place causing fear, on the other. The taiga is specifically represented in the concept “forest”: it is a space with harsh conditions, a complex system in which it is impossible to survive without certain knowledge. The structure of the concept includes ideas about the role of the forest in different periods of history, understanding the forest as an undeveloped space unsuitable for life, as well as a space inhabited by mythological creatures. In single cases, the aesthetic significance of the forest is reflected. The forest is conceptualized as part of the global natural world and space in which everything is interconnected. The loss of knowledge about the influence of nature on human existence has negative consequences for man’s life and work, according to dialect speakers. The content of the concept “forest” has undergone transformations due to economic, social, environmental factors.

References

1. Gavrilenko, O.V. (2009) The concept forest in the English-speaking cultures. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 135–137. (In Russian).
2. Moiseeva, S.A. (2013) The concept forest as the main representative of the conceptual sphere vegetal area. In: Furs, L.A. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitiv Studies of Language]. Vol. 14. Moscow; Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 576–581. (In Russian).
3. Bykanova, V.I. (2015) Anglo-Saxon concept “wood” as an element of national mentality. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Bauman – Humanities Bulletin of BMSTU*. 10 (36). pp. 1–8. (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2015-10-310
4. Romanova, E.N. & Danilova, N.K. (2015) The concept of wood of peripheral communities of northern turkic peoples. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy*

ophy, History, Culture. 6. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptlesa-u-periferiynyh-grupp-severnnyh-tyurkov>. (Accessed: 04.11.2019). (In Russian).

5. Artamonova, N.P. & Pavlova, I.P. (2018) Analysis of the Lexico-Semantic Group “Forest” as a Fragment of the linguistic worldview of the People of Saha. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 1 (63). pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.25587/svf.u.2018.63.10543

6. Maksimov, S.A. (2007) “Les” v udmurtskikh govorakh: dialektologicheskaya karta i kommentariy [“Forest” in Udmurt dialects: a dialectological map and commentary]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii*. 2 (2). pp. 56–68.

7. Buterina, O.V. (2008) *Predstavlenie kontsepta “les” v russkikh i nemetskikh lingvokul'turnykh istochnikakh* [Presentation of the concept of “forest” in Russian and German linguistic and cultural sources]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

8. Shakolo, A.V. (2016) “Forest” and “House” as Key Concepts of the Main Opposition within the Fairy Tale Discourse (in the Context of the General Discourse Theory). *Uchenye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.M. Masherova*. 21. pp. 144–147. (In Russian).

9. Shakolo, A.V. (2014) [The most important concepts of fairy-tale discourse (based on the material of the concept of Forest)]. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science to education, production, economy]. Proceedings of the 19th Regional Conference. Vol. 1. Vitebsk. 13–14 March 2014. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 216–217. (In Russian).

10. Babenko, L.G. (ed.) (2017) *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyucheveye kontsepty i ikh reprezentatsiya v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The Conceptual Sphere of the Russian Language: Key concepts and their representation in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology)]. Moscow: Azbukovnik.

11. Vendina, T.I. (ed.) (2017) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [The Lexical Atlas of Russian Dialects]. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

12. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

13. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3

14. Gyngazova, L.G. (2003) [The concepts of “Life” and “Death” in the language of a dialect personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual Problems of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 21–23 October 2003. Vol. 2. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 103–111. (In Russian).

15. Gyngazova, L.G. (2004) Kontsept “Dusha” v yazyke dialektnoy lichnosti [The concept of “Soul” in the language of a dialect personality]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii* [Theoretical and Applied Aspects of Philology]. Tomsk: STT. pp. 151–155.

16. Gyngazova, L.G. (2006) [On the concept of “Will” in the individual consciousness of the bearer of traditional speech culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual problems of Russian studies]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 9 – 11 November 2005. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–229. (In Russian).

17. Demeshkina, T.A. (2002) [The concept of purity according to the dictionaries of the Middle Ob Region]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. Proceedings of the International Conference. Belovo. 12–13 April 2002. Pt. 2. Belovo: Belovo Branch of Kemerovo State University. pp. 49–55. (In Russian).

18. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3

19. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept “Siberia” in autobiographical stories of Tomsk Peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/2
20. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Representation of the concept “Wealth” in the dialect discourse: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 17–28. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/2
21. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) [Figurative, axiological and symbolic layers of the concept “wealth” in dialectal discourse]. *Russkiy yazyk: istoriya, dialekty, sovremen-nost’* [Russian Language: History, dialects, modernity]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 23 April 2018. Vol. 17. Moscow: Moscow Region State University. pp. 75–82. (In Russian).
22. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2017) The concept “work” in women’s autobiographical stories of Siberian old residents: constants and transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 12–18. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/2
23. Ivantsova, E.V. (2016) The concept “culture” in dictionaries of Russian folk dialects. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/1
24. Ivantsova, E.V. (2018) The concept “bread” in the discourse of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 47–64. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/4
25. Voloshina, S.V. (2019) The “Life” Concept in the Speech Genre of the Autobiographical Story: Constants and Transformation (Based on Dialect Speech). *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1 (21). pp. 42–48. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48
26. Ioganzhen, B.G. (1971) *Priroda Tomskoy oblasti* [The Nature of the Tomsk Region]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo.
27. Demeshkina, T.A. (2019) The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept “Swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/6
28. Borodulin, V.I. et al. (eds) (2001) *Novyy illyustrirovannyi entsiklopedicheskiy slovar’* [New Illustrated Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
29. Blinova, O.I. (ed.) (2000) *Vershininskiy slovar’* [Vershinino Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
30. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar’ russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural’skikh, altayskikh i paleoziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleoasian languages]. Moskva; Novosibirsk: Nauka.
31. Evseeva, N.S. (2001) *Geografiya Tomskoy oblasti. (Prirodnye usloviya i resursy)* [Geography of the Tomsk Region. (Natural conditions and resources)]. Tomsk: Tomsk State University.
32. Karaulov, Yu.N. et al. (1996) *Russkiy assotsiativnyy slovar’* [Russian Associative Dictionary]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.